

Роман Д. Тартт «Щегол»: к поэтике жанра романа воспитания

Shalimova N.S.

D. Tartt's "The Goldfinch": Poetics of Genre of Bildungsroman

Статья посвящена анализу жанровой специфики и особенностей наррации романа Д. Тартт «Щегол». Рассматриваются такие категории поэтики, как хронотоп, речевая организация повествования, сюжетообразующие мотивы, система персонажей, интертекстуальность. Делается вывод о жанровом синтетизме романа, который объединяет черты классического романа воспитания и новейшей прозы о взрослении.

Ключевые слова: *тип героя, хронотоп, интертекстуальность, жанровый синтетизм*

The article analyzes genre and narration specifics of D. Tartt's novel "The Goldfinch". Such categories of poetics, as a chronotope, speech organization of the narrative, plot motives, system of characters, intertextuality are considered. The conclusion is made about the genre synthetism of the novel, which combines the features of classic novel of education and the latest prose about growing up.

Key words: *hero type, chronotope, intertextuality, genre synthetism*

«Щегол» – третье произведение Донны Тартт, последовавшее за романами «Маленький друг» (The Little Friend, 2002) и «Таинственная история» (The Secret History, 1992) и принесшее автору Пулитцеровскую премию. В России текст вышел в переводе Анастасии Завозовой в издательстве Corpus в 2014 году.

Действие романа начинается в предрождественское время в большом городе, где оказывается герой-сирота. Среди художественных особенностей романа можно выделить кинематографичную монтажность приемов в изображении окружающего мира, лиминальность хронотопа, трехчастную структуру. «Щегол» написан словно роман XIX века на материале XXI, отсюда диккенсовская просторность, неторопливость, нравственный абсолютизм романа.

Несмотря на сложность поэтики, в романе «Щегол» сочетаются черты классического романа воспитания и новейшей прозы о взрослении. Черты классического романа воспитания обнаруживаются в сюжетности, системе второстепенных персонажей, символике пространственно-временной

организации (канун Рождества, хронотоп большого города) [Фомина 2017: 261-271]. Черты новейшей прозы о взрослении воплощаются в способе повествования, автореференциальности [Жаккар 2011], сюжетообразующем мотиве преображения/взросления главного героя. «Щегол» содержит черты исповедального, фронтирного, детективного, приключенческого романа, автор сознательно моделирует ситуацию жанрового синтеза, следуя не столько за авантюрным сюжетом, сколько за традициями англо-американской рецепции русской литературы и особенно творчества Ф.М. Достоевского [Бутенина 2016: 94-100].

Особенностью поэтики текстов о взрослении является организация речевого повествования, в частности, использование фигуры нарратора. Авторское присутствие в тексте реализуется в таком случае наиболее эксплицитно, так как нарратор является одновременно и повествователем, и действующим субъектом. Это сложное совмещение точек зрения и голосов автора, героя и реципиента. Повествование от первого лица показывает читателю объективный мир через призму восприятия нарратора. Вероятно, этот способ авторской репрезентации обеспечивает максимальную эмоциональную вовлеченность читателя, переживание взросления вместе с героем, таким образом определяя социальную значимость подобных текстов. Так, выстраивая повествование от первого лица, Тартт использует характерные, симптоматичные для жанра новейшего романа о взрослении (*young adult literature*) модусы высказывания, деканонизации жанра на уровне способа повествования, нарратива, хронотопа, типа героя не происходит.

Роман «Щегол» написан от первого лица, ему присущи исповедальные интонации, обращения к читателю, а также дуализм главного героя, его постоянная игра. А. Завозова в одном из интервью отмечает: «У него отчетливый голос. Когда его осваиваешь, то уже знаешь потом, что и как он скажет. Единственная проблема – в книге перемежаются несколько голосов Тео, из разных его возрастов, поэтому надо было уследить, когда Тео говорит в реальном времени, а когда мы читаем о нем, подростке, но слышим на самом

деле голос 27-летнего Тео, лежащего в отключке в гостиничном номере, или 23-летнего Тео, который пишет у себя в дневнике» [Завозова:URL: <http://bookbridge.spb.ru/fiction/donna-tart/> (дата обращения: 29.01.2018)].

Важным элементом поэтики романа являются воспоминания, которые выполняют роль композиционного приема, выделяющего кульминационные моменты повествования. Таким образом, читатель видит всю сложность и многогранность психологического процесса, происходящего сейчас, в романном настоящем, события которого обогащаются подтекстом. Для романа характерна исповедальная тональность, которая строится благодаря диалогичному взаимодействию нарратора и читателя, где диалогичность – ключ к пониманию образа главного героя.

Опорными точками композиции или ключевыми моментами сюжета для героя являются традиционные в жанровом дискурсе события: герой переживает смерть самого близкого человека, отправляется в странствия, где меняет имена (одна из его кличек, Поттер, – отсылает нас к другому «мальчику, который выжил» – речь идет о Гарри Поттере, главном герое одноименного цикла романов), переживает пограничные душевные состояния (посттравматический синдром, наркотический бред), носит лохмотья, видит противоположные стороны жизни и примеряет разные социальные роли:

Тео имеет друга (двойника, антигероя, волшебного помощника) Бориса и получает, подобно герою сказок, волшебный предмет, предмет по-настоящему сакральный, это шедевр Карла Фабрициуса «Щегол» – , произведение искусства, благодаря которому герой взрослеет и преображается, преодолевая подмену понятий и дихотомию культуры потребления и культуры обладания. Исследованию поэтики экфрасических отступлений, характерных для творчества Д. Тартт, посвящена статья Е.Н. Черноземовой «Функция экфрасических отступлений в романе Д. Тартт «Таинственная история»». [Черноземова 2016:URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/], интермедиальное взаимодействие литературы и живописи

рассматривается в работе А.В. Маркова и О.Н. Турышевой [Марков, Турышева 2017: 83-91].

Следует отметить чрезвычайную значимость русской темы в романе, которая реализуется в поэтике имен героев – Теодор (Фёдор), Китси (Китти), Борис, интертекстуальных отсылках (одна из ключевых глав романа носит название «Идиот», круг чтения героя – Ф.М. Достоевский и А.С. Пушкин). Прямо тема Достоевского раскрывается в диалоге Тео и Бориса о понимании романа «Идиот», где Борис озвучивает ключевые для понимания поэтики романа мысли, косвенно уподобляя Тео князю Мышкину, подчеркивая доброе и светлое начало в герое.

Русская тема реализуется в речевой организации повествования, в романе присутствуют русские слова и фразы, в тексте обозначенные транслитерацией (этот же прием используется в другом произведении, посвященном истории подростка, романе Э. Берджесса «Заводной апельсин»).

Характеризуя хронотоп романа, необходимо отметить семантику сюжетного времени – многие ключевые события происходят в канун Рождества, это время традиционно связывается с мотивными парами «смерти и воскресения», синонимичными уходу и возвращению, исчезновению и появлению, забвению и воспоминанию. Жанровый канон рождественского рассказа предполагает нравственное преображение героя, что находит отражение и в повествовании, и в специфике художественного хронотопа, когда герой словно переживает символическую смерть и внутренне преображается, необратимо меняется. Так, мотив преображения души является сюжетообразующим для классического романа воспитания и последующих его модификаций.

Роман Д. Тартт «Щегол» является репрезентативным с точки зрения внутрижанровой аллюзивности, так как в нем присутствует рецепция произведений, типологически связанных с темой воспитания и взросления. Это творчество Ч. Диккенса, Дж.Д. Сэлинджера, Ф.М. Достоевского, Дж. Роулинг. Интертекстуальность романа маркирует культурно-семиотические ориентиры,

выполняет апеллятивную и метатекстовую функции. Сопоставление героев Диккенса, Сэлинджера, Тартт возможно через призму исповедального повествования, которое выполняет рефлексивную и нарративную функции. В романе Д. Тартт также акцентируется хронотоп большого города, который подчеркивает одиночество героя, его потерянную. Рассказывая о взрослении Тео, Донна Тартт использует опыт Диккенса для создания эмоциональной исповеди героя через призму восприятия им города: свое взросление Тео описывает как бесприютное скитальчество по промозглому городу. Э это ощущение усиливают многократно повторенные слова «туман» (fog), «бродить» (wander), «мечта» или «видение» (dream).

Объединяющей чертой поэтики Сэлинджера и Тартт, помимо образов главных героев и схожего нарративного вектора, можно назвать значимость этих текстов: оба романа создавались более десяти лет и сыграли исключительную роль в творческой биографии авторов. Это, конечно, не поэтика.

Герои их произведений оказываются в состоянии духовного или материального кризиса, для разрешения которого требуется чудо, реализующееся в мотиве преображения души. Этим чудом является любовь Холдена к сестренке, душевная общность с ней, для Теодора – возможность отпустить то, что любишь больше всего. В художественном пространстве романа это возлюбленная героя Пипа и картина Карела Фабрициуса «Щегол».

сюжетное ядро произведений Тартт и Сэлинджера, связанных темой становления, оказывается схожим, обладающим взаимопроникаемыми элементами, к которым относится мотив преображения души, являющийся сюжетообразующим и объединяющим классический роман воспитания с последующими его трансформациями. Внутреннее изменение героя, его взросление становится невозможным, если герой не придет к некому гармонизирующему, примиряющему финалу. Так, Рождественский хронотоп, мотив чуда, трудности, которую герой преодолевает, работают на раскрытие лейтмотива текста, которым является преображение души главного героя.

Представляется также необходимым отметить внутрижанровую аллюзивность, взаимообусловленную рецепцию связанных темой взросления текстов. Одной из важных характеристик романа воспитания второй половины XX века становится литературоцентризм, можно полагать, что система аллюзий и реминисценций важна как для внутреннего изменения, становления героя и читателя, так и для обновления жанровой традиции, существующей одновременно в ситуации подвижности, нарушения жанровых конвенций и незыблемости жанрового ядра, основанного на реконструировании взаимоотношений человека и социума как социокультурного и философского процесса.

В романе Д. Тартт «Щегол» сочетаются черты классического романа воспитания и прозы о взрослении XX-XXI веков. Черты классического романа воспитания обнаруживаются в сюжетности, системе второстепенных персонажей, символике пространственно-временной организации: субъективности временных характеристик, хронотопе большого города, хронотопе дороги. Черты новейшей прозы о взрослении воплощаются в способе повествования: наррации от первого лица с ретроспективными отступлениями, смешении временных пластов, реализующем прием «двойной психологической оптики» [Проскурнин 1994: 58-71], наложении «точек зрения», автореференциальности. «Щегол» Д. Тартт содержит черты романа воспитания, исповедального, фронтального, детективного, приключенческого романа, образуя синкретичную жанровую форму. Помимо жанрового синтетизма, в романе на всех уровнях текста присутствует рецепция произведений, типологически связанных с темой воспитания и взросления. Это творчество Ч. Диккенса, Дж.Д. Сэлинджера, Ф.М. Достоевского, Дж. Роулинг. Интертекстуальность романа маркирует культурно-семиотические ориентиры, выполняет апеллятивную и метатекстовую функции. Сопоставление героев Диккенса, Сэлинджера, Тартт возможно через призму исповедального повествования, которое выполняет рефлексивную и нарративную функции.

Литература

Бутенина Е. М. Исповедальность Достоевского и современный роман о подростке// Вестник Пермского университета. 2016. №2 (34). С. 94-100.

Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. М.: Новое литературное обозрение. 2011. 408 с.

Завозова А. «Не влюбиться в то, как пишет Донна Тартт, невозможно». [Электронный ресурс]. URL: <http://bookbridge.spb.ru/fiction/donna-tart/> (дата обращения: 29.01.2018).

Марков, А. В., Турышева, О. Н. Литература и живопись: неканонический случай интермедиального взаимодействия (на материале картины Андреа Дель Сарто «Девушка с томиком Петрарки») // Известия Уральского федерального университета. 2017. Серия 2: Гуманитарные науки, 163(19(2)). С.83-91.

Проскурнин Б. М. Романы Дж.Конрада 1900-х гг. и развитие английского политического романа // Традиции и взаимодействия в зарубежных литературах: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Пермский ун-т. 1994. С. 58-71.

Тартт Д. Щегол / пер. с англ. А. Завозовой. М.: Corpus. 2014. 832 с.

Фомина Е. М. «Щегол» Д. Тартт как роман воспитания// Новый филологический вестник. 2017, №4 (43). С. 261-271.

Черноземова Е. Н. Функция экфрасических обращений в романе Донны Тартт «Тайная история» [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 4 (июль – август). С.57–69. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/4/Chernozemova_Tartt-Secret-History/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 06.02.2018)

Krupickova Z. Aspects de la transtextualité dans l'oeuvre de Milan Kundera (Diderot, Kafka, Broch, Vančura et l'avant-garde tchèque) / Z. Krupicková.France, 2006.

Lévesque R. Milan Kundera : Malheureux, qui comme Ulysse... [электронный ресурс] <http://revue.leslibraires.ca/chroniques/litterature-etrangere/milan-kundera-malheureux-qui-comme-ulyse> (дата обращения- 28.04. 2017).

Matei-Chilea C. Problématique de l'identité littéraire: Comment devenir écrivain français. Andrei Makine, Vassilis Alexakis, Milan Kundera et Amin Maalouf // Littératures. Université Jean Monnet – Saint-Etienne; IASI Roumanie, 2010.

Mendes A. P. C. L'arithmétique de l'émigration selon Milan Kundera [Электронный ресурс], https://www.researchgate.net/profile/Ana_Coutinho_Mendes/publications?pubType=article (дата обращения: 25.02.2017).